

МИР ЛЮБЫ НИКОНОВОЙ

Помню первое знакомство с её стихами. Вырванный из тетради листок, ровный, старательный почерк. И – сразу поразившие ощущением какой-то внутренней раскованности, раскрепощённости строки: « Не знаю, что такое рай, я из числа разинь. Но ты о счастье мне играй, играй, мой клавесин!» Было там ещё стихотворение «Тир» – о жестяном зайце в тире, который воскресает после каждого удачного выстрела и тем самым преподаёт «урок счастливого конца». Сейчас я уже отчётливо вижу недостатки этого стихотворения. Вряд ли эта кувыркающаяся после каждого выстрела игрушка может преподавать что-либо, кроме жестокости: натренируются как следуют и пойдут с той же лёгкостью палить по живым зайцам. Но тогда я запомнил другое – собранные, энергичные строфы, неожиданные параллели, сострадание ко всему живому, и – ту же самую свободу в обращении со словом, которая так редко встречается у начинающих и которая, если верить Блоку, одна только и есть признак настоящего таланта.

Потом был семинар молодых поэтов в Кемерове. Встала невысокая большеглазая девушка и начала читать. Как же она плохо читала! И стихи она выбрала не самые лучшие, и произносила их каким-то тусклым, безжизненным, лишённым интонации голосом! В общем, читала так, что дала повод кое-кому из присутствующих усомниться: да полно, её ли это стихи, не чужие ли, потому как не возможно свои стихи читать так бесстрастно и вроде бы даже с такой неохотой!

Потом, в ответ на недоумённые вопросы, она скажет, что стихи должны жить сами; сами, без помощи чтения, искать дорогу к читателю. И она, мол, сознательно лишила их поддержки. Так в старину учили детей плавать: бросят в воду – и пусть барахтается. Способ, конечно, варварский, но действенный. А почему стихи слабые выбрала? А потому, что это ведь семинар, сюда пришли, чтобы вволю покритиковать друг друга. Вот и пусть критикуют. Да и ей важнее замечания, чем похвалы.

Одним словом, уже тогда, на первом взлёте, Любовь Никонова знала себе цену и деловой разбор предпочитала комплиентам. В этом можно было углядеть некоторую браваду. Но мне это показалось (да и сейчас кажется) признаком силы. Семинар дал в принципе верную оценку творчеству Любы Никоновой. Мы почувствовали, что в литературу Кузбасса пришёл новый поэт, поэт со своим голосом, своей неповторимой интонацией, своим поэтическим миром. Рукопись, представленная ею на обсуждение, была рекомендована издательству в качестве основы для будущей книги.

И вот эта книга перед вами. Каков же он, мир Любы Никоновой, в который вы сейчас войдёте? Сразу оговорюсь, что не собираюсь давать её творчеству окончательных оценок – слишком это явление сложное, противоречивое, неустоявшееся. Кстати сказать, по моему, «устоявшегося» творчества вообще не существует. Замечу только, что диапазон её голоса достаточно широк. В нём находит себе место и тонкая, щемящая нотка одиночества, и глубокая языческая радость просто от полноты жизненных сил. На семинаре её обвиняли в сухости, рассудочности, недостаточной эмоциональности. А она считает любовь не просто чувством, объединяющим людей, для неё любовь – один из законов, на которых держится вселенная! Именно любовь награждает её даром с пронзительной силой ощутить кровное родство всего живого на земле: «И ветка,

освещённая луной, на нас обоих точно дочь похожа!» Или ещё: «И чем заметней надо мною власть твоя, зелёный маленький листочек, тем ближе к жизни хочется припасть, и жить и жить, благословив источник».

Мир Любы Никоновой музыкален. Не случайно в этой книге много чисто музыкальной терминологии, да и называется она «Скрипичный ключ». Но куда важнее другое: присутствие в её стихах созвучий дерзких и лукавых, основанных зачастую не только на внешнем, звуковом, но и на внутреннем, смысловом сходстве. Она рифмует, например, «темнея – подземелья», и некоторая звуковая «шероховатость» только подчёркивает смысл: в подземелье ведь должно быть темно. Точно так же рифма «грозовые – призывы» говорит не столько о похожем звучании, сколько о внутреннем родстве этих слов. Мир, куда вы сейчас войдёте, своеобразен. В этом мире вам, да и ей тоже, предстоит ещё во многом разобраться. Вот так, например, в этом мире приходит весна:

Скоро, скоро цветы зацветут,
Из- под снега покажут головки,
И, дождавшись тепла, поползут
По завалинам божьи коровки.
На дорогах, ведущих сквозь лес,
Там, где тени колышутся серо,
Зазвучат, достигая небес,
Голубые балеты Глиэра...

Хорошо это или плохо? Как звучат нереальные «голубые балеты Глиэра» на реальных, ведущих сквозь лес дорогах, рядом с божьими коровками? Не моё дело давать оценки, но меня эта дерзкая праздничная строка наполняет, как бы это поточнее выразиться, ожиданием чуда... Люба Никонова только начинается. Думаю, что её дорога в поэзии будет сложной, предельно трудной, но и радостной. Радостной не только для неё – ведь творчество процесс двусторонний – но и для читателя.

Игорь Киселёв